

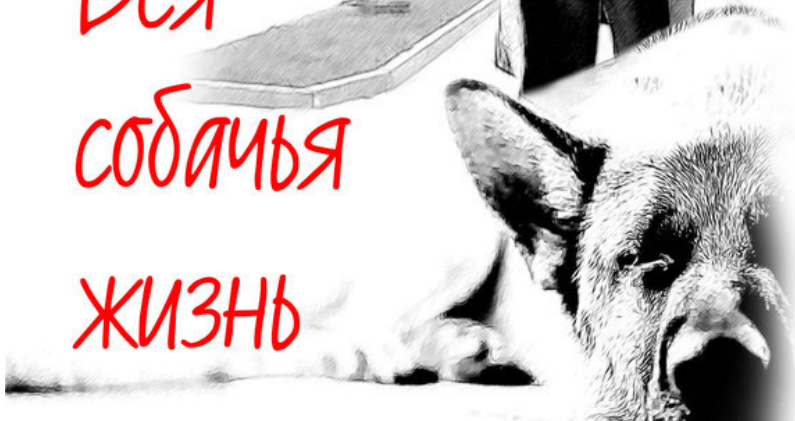
Татьяна Ефремова

Вся

собачья

жизнь

Татьяна Ефремова

Вся собачья жизнь

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3745895

Аннотация

Случайно попав на соревнования по «Русскому рингу», Наталья становится свидетелем убийства известного кинолога-дрессировщика. Пытаясь понять, кому мог перейти дорогу человек, помешанный на овчарках, она не только оказывается втянутой в непростые отношения «собачников», но и узнает, к чему могут привести самые благие намерения любящих людей.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	39
Глава 4	53
Глава 5	66
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Татьяна Ефремова

Вся собачья жизнь

Глава 1

Человек в нелепом красно-синем костюме неторопливо бежал по жухлой осенней траве. Бежать было тяжело – костюм, конечно, здорово защищал, но при этом плохо гнулся, сковывал движения, да и весил, судя по всему, немало. Удивительно, как человек вообще ухитрился бегать в подобной одежде.

– Пуск!

С противоположного конца огороженной хлипкими ленточками площадки сорвалась черно-рыжая молния и устремилась вдогонку.

В несколько прыжков огромная овчарка настигла убегающего и, прыгнув, повисла на плече рядом с горлом.

Раздались аплодисменты.

Человек крутился на месте, пытаясь сбросить зверя, стряхнуть, оторваться. Только руками он себе совсем не помогал, если не считать методичных ударов гибкой резиновой палкой.

– Ай, молодец! – раздалось сбоку. Вот только непонятно, кто удостоился похвалы – собака, висевшая почти на шее

приходит в наш мир заново. Смотрит на него чистыми глазами, всему радуется и удивляется. И совершенно ничего не боится. С одной стороны это хорошо – жить в постоянном страхе значит лишать себя половины жизни. Но лишенная страха Лариска не соблюдает элементарных правил личной безопасности. Открывает дверь всем подряд, даже в глазок не посмотрев, бродит поздно вечером по неосвещенным пустырям, если через них дорога короче, бросает кошелек и мобильник на видном месте. Никакие уговоры и запугивания на нее не действуют. Я даже, отчаявшись хоть как-то повлиять на эту святую душу сама, попросила однажды своего приятеля, Димыча Захарова, работающего опером в городском убийном отделе, порассказать каких-нибудь «страшилок» из милицейской практики. Может, хоть это заставит ее задуматься.

Димыч отнесся к делу ответственно, живописал все с леденящими кровь подробностями. Даже не поленился несколько фотографий принести из последнего дела. Лариска слушала, затаив дыхание, ахала и охала, испуганно прижимала руки к груди. А над фотографиями несчастной девочки, изнасилованной и зверски убитой два месяца назад на окраине дачного поселка, даже заплакала. И призналась потом, что фотографии эти ей несколько дней снились.

Но по темным переулкам ходить не перестала.

Правда, надо признать, что расплачиваться за свое легкомыслие Ларке приходится не так часто. Видно, ангел-хра-

нитель ей попался ответственный. Обычно ее необдуманные действия неприятных последствий не имеют.

Но в тот раз все было иначе.

Лариска бежала через пустырь, ежась от холода. Выходила она из дома днем, когда солнце припекало совсем по-летнему, на небе не было ни одного облачка, и прогнозам синоптиков, обещавших кратковременные дожди и похолодание, верилось слабо. На всякий случай она прихватила с собой легкую курточку, досадуя, что придется теперь весь день таскать ее в руках.

К вечеру, действительно, резко похолодало, побрызгало холодным осенним дождиком, и Лара, замерзшая как цуцик в короткой юбке и легкой кофточке, радовалась, что хоть в куртку может закутаться частично.

Стемнело, по ее представлениям, рано. Часов в восемь вечера еще можно было что-то разглядеть, а к девяти, когда она вышла на своей остановке, было совсем темно. Все-таки, конец сентября – это вам не лето с его короткими, словно ненастоящими, ночами.

Чтобы поскорее оказаться дома, в теплом кухонном уюте, Ларка припустила почти бегом через заброшенный сквер, доходящий до самого ее двора, но не освещенный ни одним фонарем. Только лампочка над дверью в продуктовый павильон слегка высвечивала пяточок перед входом.

Из-за шороха листьев под ногами да своего сбивчивого дыхания она не сразу услышала шаги за спиной. А когда

услышала, решила, что ей показалось. Мало ли, что ночью в лесу почудится. Лара прибавила шагу, но в тот же самый момент ее резко дернули за ремень висящей на плече сумочки, так что с трудом получилось устоять на ногах. Вцепившись в ремень обеими руками, она повернулась, пытаясь разглядеть причину, и прямо за спиной увидела, похолодев, темный мужской силуэт, от которого невыносимо воняло дешевым табаком.

Сама Лариска была заядлой курильщицей, но граждан, курящих плохие дешевые сигареты не переносила в буквальном смысле на дух.

– Дай сюда, – сказал мужик и еще разок дернул сумку. Ларка крепче сжала пальцы и замотала головой. – Ты че, не поняла?

Мужик дергал сумку с одной стороны, Ларка не отпускала с другой.

– Пусти, сука! – прошипел потерявший терпение грабитель и ударил ее в левый висок. В голове зазвенело, и моментально брызнули слезы.

– Эй! Ты что творишь? – раздался сбоку от них женский голос. – А ну отпусти ее!

Грабитель ударил Лариску еще разок и, не давая ей опомниться, дернул с плеча сумку и бросился бежать сквозь деревья.

– Стой! – крикнула невидимая женщина. – Стой по-хорошему!

– Сумка, – всхлипнула опомнившаяся Ларка, не особенно надеясь, что ее кто-то услышит, а главное, сможет хоть чем-то помочь.

Но ее услышали. Тот же голос крикнул коротко и непонятно, и в поле зрения вдруг появилась собака. Мелькнула она всего на секунду, Ларка даже испугаться толком не успела. А в следующий момент раздался дикий вопль убегающего грабителя.

Оцепенев от страха, смотрела она на катающегося по земле, истошно вопящего мужика, и молча треплющую его овчарку.

– Сумку бросай, придурок, – прокричала, пробегая в ту же сторону невысокая полненькая женщина. – Бросай, хуже будет!

Продолжая орать, мужик выпустил из рук сумку и даже попытался оттолкнуть ее подальше от себя.

– Аус! – крикнула загадочная тетка, и пес выпустил из пасти изрядно уже порванный рукав.

Мужик перевернулся на пузо и резво уполз в ближайшие кусты. Там, судя по звукам, он вскочил на ноги и, не разбирая дороги, стал ломиться подальше от этого места.

Все произошло в считанные секунды, Ларка даже в себя толком не пришла, а неожиданная спасительница уже протягивала ей сумку. Рядом сидел, вывалив язык, здоровенный пес.

– Спасибо! – с чувством поблагодарила Лариска и поко-

силась на зверя. Тот не выказывал никакого интереса, вертел башкой по сторонам и громко дышал.

– Не за что, – отозвалась хозяйка. – Ты чего по темным местам бродишь? А если бы нас рядом не оказалось?

– Вы ведь тоже бродите, – пожалала плечами Ларка.

– Так я с собакой. Мне чего бояться? Его, кстати, Гектором зовут. А меня Светланой. А ты?

– Лариса. А почему вы его отпустили? Его надо было в милицию сдать.

– Милиции нам только не хватало. От них потом не отвяжешься.

– Почему? Вы же преступника задержали.

– Ага, задержали. А как? Он заявку напишет, что я его, бедненького, собакой травила, и виноватыми окажемся мы с Гектором. Нет уж! Пусть милиция сама его ловит.

Ларка потрясенно пыталась понять только что сказанное.

– Как же так? Он меня чуть не ограбил, а виноваты вы? Несправедливо.

– А в жизни вообще справедливости мало, – махнула рукой Светлана. – Формально я не имела права собаку пускать на задержание. Так что, если этот хмырь додумается пожаловаться, штрафа нам не избежать. Плюс компенсация вреда и морального ущерба. Окажется, что куртка его бешеных денег стоит, вот увидишь. Мы через это уже проходили. Ты, кстати, дай мне свои координаты – если что, я тебя свидетелем назову. Ну, чтобы не вышло, что я просто так людей со-

баками травлю на улице.

Обменялись телефонами и адресами. Оказалось, что живут Светлана и Гектор в соседнем доме. Они проводили дрожашую от холода и остаточного страха Лариску домой. Помощь ее как свидетеля не понадобилась, но знакомство на этом не закончилось. Очень уж запал в Ларкину душу умница-Гектор.

– Вот он, мой спаситель! – торжественно представила она его сегодня нам с сыном. Спаситель вывалил набок длинный розовый язык и смотрел мимо нас. По его скучающему виду можно было догадаться, что таких вот спасенных дурочек, вроде нашей Ларки, у него – как у аса-истребителя сбитых самолетов. Впору звездочки на фюзеляже рисовать.

Сынуля мой шестилетний моментально впал в экстаз и полез с Гектором обниматься, предварительно глянув вопросительно на Светлану. Хорошо хоть догадался спросить разрешения, а то хлопнулась бы я при всем честном народе в обморок при виде этих жарких объятий. Но Светлана разрешила, и я немного успокоилась, рассудив, что злобного пса она бы гладить не позволила. Ребенок от такого развития событий окончательно воспрял духом и пошел «в народ» – отправился вдоль шеренги зрителей, останавливаясь возле каждой собаки и завязывая приятные знакомства.

Собак было много. Очень много. И все, на мой взгляд, страшные и опасные. В основном, овчарки и ротвейлеры.

Оставалось только поверить Светлане, заверившей нас, что собаки не опасны, главное, спрашивать разрешения и гладить только тех, чьи хозяева не возражают.

– Понимаешь, не все собаки любят детей, – объяснила она, сразу перейдя на ты. – Тебе кажется, что собака мирная и спокойная, а ее, может, в детстве ребенок обижал. Хозяева знают, как собака на кого реагирует, поэтому могут и не разрешить гладить. Это не из вредности, а для вашей же безопасности. А вообще, не бойся, здесь все псы дрессированные – другие в «Русском ринге» не участвуют. Ничего твоему пацану не грозит.

Соревнования тем временем продолжались. После вызвавшего всеобщий восторг овчара выступили еще двое ротвейлеров, приближалась очередь Светланы и Гектора.

– Только бы успеть, пока Юра не выйдет, – начала вдруг волноваться Света.

– А Юра – это кто?

– Это фигурант. Он только что с Райсом своим выступал. А сейчас оденется и на площадку выйдет, на замену. Не хотелось бы «под него» попасть, если честно.

Судья выкрикнул в мегафон фамилию следующего участника, и Светлана убежала на старт.

После этого я смогла убедиться, что кусается Гектор в самом деле отменно. Молниеносная атака, прыжок – и вот уже огромный пес висит, как приклеенный на плече у фигуранта.

Надо сказать, наша «группа поддержки» выгодно отличалась от остальных зрителей.

– Гектор, любовь моя! – орала восторженная Лариска, ничуть не заботясь, какое впечатление ее вопли производят на окружающих. Сынуля, радуясь, что его никто не одергивает, верещал в голос, подбадривая «нашу собачку». А мне оставалось только смириться и принимать посильное участие – аплодисментами. Все-таки, орать: «Любовь моя!» в адрес лохматого зверя я не готова.

Светлана вернулась очень довольная, прямо светилась вся.

– Не Райс, конечно, но тоже кое-что можем, – сказала она в ответ на наши похвалы.

– А Райс – это кто?

– Ну как же! В начале выступал. Яркий такой немец. Юркин пес. Мне повезло, что Юрик еще не на площадке, а то, боюсь, постарался бы он подгадить конкурентам.

– Как это?

Света обреченно махнула рукой.

– Фигурант, если сильно захочет, любую собаку может «сломать». И ничего никому не докажешь. Все согласно правилам. А Юрка на этот счет товарищ гниловатый. Всего можно ждать. Райсу и так конкурентов нет, но он все равно может подгадить, из вредности.

Батюшки, и тут интриги. А я думала, собачники – святые люди. Животных любят и душой рядом с ними отдыхают. А

у них все не просто, оказывается.

Надо отдать должное Светлане, она очень терпеливо и подробно объясняла, что происходит на площадке, так что через некоторое время я уже могла и сама увидеть, какая собака работает «формально», а какая от души. Кто хватает «полной пастью», а кто только обозначает хватку. Оказывается, у каждой собаки своя тактика. А я думала, кусаются все одинаково.

– Что ты! – рассмеялась Света. – Они все разные. Разный темперамент, разная физическая подготовка. Это же спорт. Самый настоящий. Спортивное единоборство, только противник у собаки – человек. Сейчас следующий этап будет – «двойка» – там еще интереснее.

– Двоих кусать будут? – встрял мой невоспитанный ребенок.

– Точно! Собака сначала за одним погонится по команде, а в это время на хозяина второй нападет. А собака будет хозяина защищать.

Сын слушал, раскрыв рот, да и мы с Ларкой увлеклись не на шутку.

Тем временем на поляне разворачивались поистине трагические события. Собака, как и предсказывала Света, погналась за первым «злодеем», и почти уже догнала, почти вцепилась в толстый рукав. Но убегающий вдруг повернулся лицом к преследователю и направил на пса невесть откуда взявшийся пистолет. Раздался выстрел, второй – мы вздрог-

нули от неожиданности.

– Он хотел собаку убить? – прошептал ошеломленный ребенок.

– Нет, это стартовый пистолет, из него не убьешь. Он просто проверяет, испугается собака пистолета или нет.

Пес пистолета совсем не испугался, ринулся в атаку как ни в чем ни бывало. Когда он уже висел, рыча, на плече «вооруженного бандита», из-за щита с рекламой соревнований, стоящего тут же неподалеку на поляне, вдруг появился второй, одетый в такой же толстый защитный костюм, только зеленого цвета. «Зеленый» побежал в противоположную сторону – к хозяйке, топтавшей на очерченном белым стартовым квадрате.

– А-а-а-а-а! Ко мне-е-е-е-е! – истошно завопила хозяйка.

Мы с Ларкой снова вздрогнули. Да уж, натурально у них тут все: и выстрелы, и крики. Мне вдруг подумалось, что если бы я не была заранее подготовлена Светланой к происходящему, то и поверила бы, пожалуй. Вот иду я, скажем, от автобусной остановки в лесочек прогуляться, и вдруг из-за деревьев слышу выстрелы и крики. Что тут можно подумать? Грабят кого-то или даже, судя по выстрелам, убивают.

Они бы хоть объявление повесили на остановке, чтобы несведущие граждане в милицию не звонили почему зря. Вот смешно будет, если кто-нибудь ментов вызовет, и они придут на «разборки со стрельбой». ОМОН какой-нибудь. Уло-

жат всех лицом вниз вместе с собаками. Доказывай потом, что это просто такие соревнования. Чистый спорт, никакого криминала.

Тетка завывала все громче, с переходом на банальный бабий визг. «Зеленый» подбежал к ней и замахнулся резиновой палкой. В ту же секунду на руке у него повис подоспевший пес. Тетка моментально перестала изображать жертву и завопила с азартом:

– Так его! Взять! Хорошо, Арчи!

Арчи рвал «злодея» самозабвенно, даже отпустил не сразу. Хозяйке пришлось оттащить его за ошейник.

– Это плохо, – охладила наши восторги Светлана. – Собака должна по команде сниматься, без механического воздействия. За «механику» штрафные баллы начисляются. Собака не только кусаться должна хорошо, но и быть управляемой в любой ситуации.

После Арчи выступили еще пять или шесть собак. Потом объявили пятиминутный перерыв и на площадку вышли два других фигуранта, сменив предыдущих. Света внимательно следила за их перемещениями и в конце концов вздохнула облегченно:

– Юрка во «вторые» пошел. Это нам очень на руку. Пусть лучше в засаде сидит, чем собак приличных калечит.

Ненавистный Юра, ставший из-за дрессировочного костюма еще коренастее, в самом деле ушел «в засаду» – спрятался за щит и даже присел там на корточки, оперевшись за-

тылком на крашенные доски.

– А почему один дяденька в каске, а второй нет? – напомнил о себе притихший было сын.

– Это не каска, это шлем защитный.

– А почему второй без шлема?

– Выделяется, – коротко объяснила Светлана.

Это было, пожалуй, самое точное определение всех последующих действий Юры. Все, что он делал – сидел ли в засаде, расслаблено откинувшись на щит, выбегал лениво или имитировал нападение на участника-хозяина – все это он делал напоказ, демонстрируя публике себя, любимого, и свое пренебрежительное отношение к возможным трудностям. Складывалось впечатление, что пришел он сюда, на соревнования по «Русскому рингу» после долгих уговоров и слезных просьб, безо всякого интереса для себя, опытного и мудрого кинолога.

Света эти мои впечатления полностью разделяла. Она потихоньку начинала нервничать – им с Гектором предстояло скоро отрабатывать «двойку» с участием вальяжного Юры.

На старт вызвали худенького паренька с огромным ротвейлером. Следующими должны пойти наши.

Судья в мегафон поинтересовался, готовы ли фигуранты и участники, и скомандовал:

– Начали!

Крупный ротвейлер неожиданно быстро для такой-то туши догнал убегающего человека, и, проигнорировав выстре-

лы, вцепился в рукав.

Собака трепала фигуранта уже достаточно долго, но Юра не торопился «нападать» на тщедушного хозяина. Так и сидел, привалившись спиной к щиту, свесив голову на грудь.

– Совсем обнаглел, – прошипела Света. – Собака первого отработала, сколько можно тянуть-то? Это он нарочно, паразит!

Судья тоже заинтересовался необычным поведением фигуранта.

– Второй пошел! – рявкнул он. – Уснул что ли? Юра!

Тот никак не отреагировал, даже не пошевелился.

– Прекратить!

Первый фигурант замер на месте, паренек отозвал ротвейлера.

Света всплеснула руками.

– Нет, ну вы поглядите, что этот гад делает! Собака перегорела, сейчас даже если повторный пуск разрешат, так хорошо он уже не выступит. А ведь реальный претендент на призовое место. Ну Юрик, ну скотина!

Среди болельщиков согласных с такой версией событий было большинство. Раздавались возмущенные крики и ропот.

К Юре, не реагирующему на недовольные зрительские вопли и крики судьи, направились два боковых арбитра. Подойдя вплотную к строптивому фигуранту, один из них – высокий жилистый дядька – схватил его за плечо и довольно

резко встряхнул.

Юра мотнулся за дядькиной рукой и вдруг медленно, словно опять делая одолжение собравшимся, повалился на бок.

Второй судья, шустрая невысокая тетечка, наклонилась к нему и вдруг отпрянула, зажав рукой рот. Дядька растерянно озирался по сторонам.

Почувяв неладное, вокруг них стали собираться зрители.

Мы со Светой одновременно крикнули: «Сидеть!» – она Гектору, а я сыну – и тоже бросились в густеющую на глазах толпу.

Юра лежал на боку, скрючившись, и издалека походил на сваленную как попало кучу телогреек. Он терялся в недрах стоящего колом дрескостюма, видна была только голова, на которой не было защитного шлема.

Он прижимался левой щекой к свалывшейся траве и смотрел неподвижным взглядом на ворох желтых листьев прямо перед своим носом. На правом виске темнела начинающей подсыхать кровью маленькая аккуратная дырочка.

– Вот ни фиги себе! Это как он так? – Света растерянно посмотрела вокруг.

Все молча переглядывались и дышали друг другу в затылок, пытаясь протиснуться и рассмотреть.

С противоположного конца поляны, из-под деревьев, понесся, набирая силу, протяжный собачий вой.

– Это Райс, – сказал кто-то.

Вой подхватили одна за другой все собаки, привязанные по периметру площадки. Он плыл над осенним лесом, забивая уши, перечеркивая недавние азарт участников и восторг зрителей, стирая солнечные блики на ярких листьях, гася окончательно Юрин остановившийся взгляд.

– Жуть какая, – прошептала Ларка, впиваясь в мою руку холодными пальцами. – У меня прямо мурашки по коже.

Глава 2

Идея квасить капусту пришла мне в голову неожиданно. Раньше и без этого прекрасно обходилась, в крайнем случае, покупала эту несчастную капусту у бабушек на рынке. А тут вдруг захотелось. Да нет, не захотелось, а просто жить оказалось невозможно без капустных запасов. Чтобы все, как у людей – чтобы борщи из своей собственной капустки, а не непонятно откуда взявшейся.

Я боролась со странными желаниями целую неделю, но к субботе сдалась. Купила шесть здоровенных кочанов, притащила, оттягивая руки, домой, и остановиться уже не смогла. Тут ведь главное начать, а дальше хозяйственные хлопоты множатся сами собой, затягивая тебя все глубже. Остаток субботы я потратила на поиски достаточного количества банок, шинковки для капусты и тазика внушительных размеров.

Главный трудовой подвиг – собственно квашение – был назначен на воскресенье.

Проснулась я, полная энтузиазма, рано. Не терпелось приступить к незнакомому для меня процессу. Даже завтракать не стала, только кофе выпила наскоро. Вот ребенок часика через два-три проснется, тогда вместе и позавтракаем.

– Ну, приступим, – сказала я решительно, надевая фартук. Еще раз проверила, все ли необходимое под рукой, и во-

друзила на стол первый кочан.

Звонок в дверь прозвучал как выстрел, подбивающий утку на взлете. Я чуть капусту не выронила. Нехорошие предчувствия зашевелились в душе. Приятных новостей в восемь утра в воскресенье ждать бессмысленно. Кто в это время может так настойчиво звонить в дверь? Телеграмма? Милиция? МЧС с известием о срочной эвакуации в связи с обнаруженной в подвале бомбой? Маловероятно, к сожалению. А вот наиболее вероятный вариант хуже всего. Милиции можно не открывать, крикнув через дверь, что их не вызывали, от эвакуации гордо отказаться... А вот что делать с той напастью, которая, скорее всего, поджидает меня за дверью?

Я обреченно посмотрела в глазок. Так и есть – на площадке стояла сияющая Ларка.

Этой через дверь не крикнешь. Пропала моя капустная вакханалия.

Я рывком открыла дверь и уставилась на Ларку мрачным взглядом. Может, испугается и передумает заходить?

– Наташка, какая ты в фартуке смешная! – Она и не думала пугаться. Напрасно я злое лицо корчила.

Ларка впорхнула в прихожую и сунула мне в руки букет осенних листьев.

Я стояла матрешка матрешкой – в фартуке, с листьями и глупым выражением лица.

Букет, надо признать, выглядел просто роскошно. Золото и багрянец, пара зеленых, чуть тронутых желтизной, бликов

– умела Ларка создавать красоту из ничего. Это же она где-то в сквере бродила с утра пораньше – рядом с моим домом рябины не растут, а тут, пожалуйста, и рябиновая веточка – собирала эти листья, друг к другу прикладывала, оценивала. Чтобы все красиво и гармонично, чтобы мне настроение с утра поднять. Чтобы осень не ощущалась только нудным холодным дождем, ветром в лицо и промокшими ногами. Чтобы вот эту роскошь багряно-золотую на стол поставить и понять вдруг, что жизнь прекрасна не смотря ни на что. Ларка умеет сделать из ничего праздник. А я...

Стало стыдно за злое лицо, с которым я встретила свою непутевую подругу. А еще больше – за раздражение и недовольство, которых Лариска видеть не могла.

– Чего тебе в такую рань не спится?

– Да какая рань? Ты что! – Ларка была бодрой и полной энтузиазма.

Даже слишком бодрой, по-моему. Не к добру это.

Вид капустных кочанов привел ее в полный восторг. Конечно, сразу же оказалось, что Лариска капусту квасит просто мастерски, и может в два счета, прямо здесь, научить меня этому нехитрому делу.

– Когда это ты квасила? – не поверила я. – Что-то не помню я у тебя капусты.

– Ну, не у меня, – легко согласилась эта врушка. – Но я видела, как бабушка квасит. Сто раз видела. Там ничего сложного и нет. Вот смотри...

Я отобрала у нее на всякий случай ножик и силой усадила на стул.

– Давай лучше кофе выпьем!

Ларка согласилась и на кофе. Она вообще человек компанейский – хоть кофе пить, хоть ремонтом заниматься, хоть поехать на другой конец города за какой-нибудь срочной необходимостью. На Лариску всегда можно рассчитывать. Главное, не дать ей понять, что то, о чем ты ее просишь, очень важно и необходимо. В этом случае она развивает деятельность, пугающую масштабами. Дай ей волю, она не остановится на моих жалких шести кочанах. Порубит в мелкую труху их, а потом сбегает на рынок за новыми. Да еще и меня прихватит в качестве тягловой силы. В результате я буду иметь промышленные запасы капусты и досаду по поводу потраченного непонятно на что воскресенья. А еще надо будет придумать, куда деть ту прорву капусты, которую я буду иметь, если вовремя не нейтрализую Ларку.

Кочаны я спрятала под стол, от греха подальше, убрала с глаз долой все ножики-шинковки и выставила на стол чашки и вазочку с печеньем.

Лариска цапнула печенюшку и начала, глядя на меня невинными глазами:

– Наташ, а ты Димыча своего давно видела?

Нехорошие предчувствия заворочались в душе с удесятенной силой. Неспроста это все: и ранние визиты, и интерес к моей личной жизни. Когда все по отдельности, еще ничего.

А вот когда все разом, да еще в воскресенье утром, да еще спустя всего неделю после убийства, невольными свидетелями которого мы стали...

– Давно, – я налила кофе в чашку и подвинула ее ближе к Ларке. – И видела давно, а когда разговаривала, вообще не помню. И расспрашивать ни о чем не буду, предупреждая сразу. Он все равно ничего мне не расскажет. А ты пей кофе, пока не остыл. Пей, не отвлекайся.

Пару минут помолчали. Я придумывала, как увильнуть от непростого разговора, а Ларка – как половчее меня в этот разговор втянуть.

Знакомство с капитаном Захаровым снова начинало осложнять мне жизнь. Я потому и не афиширую особо его место работы, что все знакомые, узнав, что мой близкий друг работает в милиции, начинают передавать ему разные просьбы. От «сделать техосмотр» до «посадить соседа-пьяницу». Димыч за много лет научился от таких просьб отмахиваться, а я не могу. Я сначала ломаю голову, какими словами передать это Димычу, чтобы он не послал меня сразу, а потом, когда пошлет, придумываю, как передать отказ просителю, чтобы не сильно обидеть. И то, и другое обычно получается плохо, я чувствую себя виноватой и стараюсь не попадаться на глаза недовольным знакомым.

Отказывать Ларке особенно неприятно – очень уж она искренний и бесхитростный человек. Но придется. Я ведь знаю, зачем она пришла ко мне с утра пораньше. Наверняка,

попросит, чтобы я узнала у Димыча, как идет расследование убийства фигуранта Юры. Есть ли уже подозреваемые, и когда схватят убийцу?

– Значит так! – сказала я решительно и посмотрела ей прямо в глаза. – Я у Димыча ничего узнавать не буду. И не проси. Он мне ничего не расскажет. К тому же, если помнишь, мы с тобой не стали дожидаться милицию. Сбежали с места преступления, можно сказать. Как ты думаешь, Димка нас за это похвалит?

Ларка смотрела на меня жалобно и даже не напомнила, что «сбежали с места преступления» мы по моей инициативе. Она-то готова была принимать активное участие в следственных действиях, если бы ее к этому допустили. Уж по крайней мере, рассказать все, что видела. Но я малодушно решила, что видеть мы толком ничего не видели, свидетели из нас бесполезные, а связываться лишний раз с милицией ни к чему. Поэтому я решительно схватила за руки сына и Лариску и потащила их к остановке.

Бегства нашего никто не заметил – на соревнованиях мы были людьми случайными. Кроме Светланы нас никто не знал, а ей было в тот момент не до того. Самой Светлане пришлось все же иметь дело с милицией, хоть она этого и не любила. Ее, как и всех остальных участников «Русского ринга», записали в свидетели и уже несколько раз допрашивали. При этом вопросы задавали все время одни и те же, а в ответ ничего не рассказывали. Такое ощущение, что убийцу

и не ищет никто, а свидетелей таскают на допросы просто так, чтобы создать видимость работы.

Все это мне рассказала Ларка со слов Светы. Теперь понятно, откуда ветер дует! Отчаявшись добиться подробностей от правоохранительных органов, свидетели преступления решили выведать все окольным путем. Тем более, что Лариска широко распространила информацию о моих связях в милиции.

– Кто тебя за язык тянет? – не выдержала я. – Сколько раз уже об этом говорили. Не рассказывает мне Димка ничего про работу. Иногда только, когда уже дело закроют, преступника посадят, может рассказать в общих чертах. А пока следствие идет, он будет дурака валять и говорить, чтобы не лезли не в свое дело. Ты же его знаешь!

– Знаю, – согласилась Ларка. – А давай признаемся, что тоже там были. Тогда это будет уже наше дело. Может, он тогда что-нибудь расскажет.

– Тогда он нас сам убьет. Лично. Чтобы не портили картину раскрываемости. И как мы будем признаваться? «Ах, простите! Мы сначала сбежали, а потом передумали»? Поздно теперь признаваться, надо было сразу.

* * *

Солнце припекало совсем по-летнему. Не грело толком, но обещало, манило. Хотелось снять куртку, а заодно и сви-

тер, и брести куда-то, загребая ногами листья. Жмуриться, подставив лицо солнцу, и ни о чем не думать.

С последним было труднее всего. Не думать не получалось. Потому что сын испытывал те же чувства, но решил все эти внезапно возникшие желания тут же и осуществить. Снял и куртку, и свитер, и шапку куда-то ухитрился закинуть так, что мы с Ларкой безуспешно искали ее битых полчаса. Ребенок делал вид, что не помнит, в какой момент лишился шапки, делал честные глаза и в поисках совсем не помогал. Скорее мешал, потому что был самой незаинтересованной в успехе стороной.

Принес шапку Гектор. Может, сам, а может, Светлане надоело наблюдать, как мы мечемся по лесу с перепуганными лицами. В общем, умная псина ткнулась мордой в землю, покружила для виду немного неподалеку, а потом подошла спокойно к куче листьев и, разрыв ее лапами, явила миру злополучный головной убор.

Я приняла обмусоленную шапку, отряхнула ее, как могла, от осеннего древесного мусора и нахлобучила на голову своему малолетнему балбесу.

– Ну что, все еще хочешь собаку? – поинтересовалась Света у моего насупленного отпрыска.

Тот подумал немного и молча кивнул.

Вот еще напасть на мою голову! Я, конечно, готовила себя морально к тому, что рано или поздно ребенок попросит завести какую-нибудь животину. Но надеялась, что удастся

сойтись на хомячке или, на худой конец, морской свинке. Места занимает немного, прокормить не сложно, да и выгуливать ежедневно не надо. Красота! Или черепашка какая-нибудь. Те вообще, говорят, на зиму в спячку впадают. Или это ежики? Неважно. Главное, я надеялась удовлетворить детскую любовь ко всему живому чем-то мелким и необременительным.

А возникли Светлана с Гектором.

И если после соревнований ребенок ограничивался тонкими намеками, то сегодня заявил открытым текстом, что больше всего на свете хочет собаку, причем непременно овчарку. И даже предательство Гектора, отыскавшего тщательно спрятанную ненавистную шапку, его мнения не изменило. Только овчарку. Обязательно. И лучше прямо завтра.

Да еще Ларка влезла с неожиданной поддержкой.

– Наташ, а правда, почему бы вам собаку не завести? Это же такая красота!

– Лара, ты думай, что говоришь. – Я постучала себя кулаком по лбу, пытаюсь донести до нее всю абсурдность подобных заявлений. – Какая собака? Кто с ней гулять будет? А воспитывать? Это один раз хорошо по лесу прогуляться, палочки побросать, – я посмотрела вслед убегающим за одной палкой Гектору и сыну, – а содержать собаку постоянно – совсем другое дело.

– Вечно ты все усложняешь, – вздохнула Ларка. – Боишься чего-то заранее. А собака – это друг. И защитник. Если

у тебя будет собака, к тебе никто в темном переулке не пристанет.

– А если у меня не будет собаки, я не окажусь в том темном переулке. Зачем мне туда ходить?

– Нет, ты не понимаешь. А я вот решила завести собаку.

Я даже остановилась от неожиданности. Ларка и собака – это совершенно несовместимые понятия. Как, впрочем, не совместима моя подруга ни с чем, требующим хоть какой-то ответственности.

– У тебя даже тамагочи сдох, – напомнила я ей мстительно. – Не помнишь? У тебя цветы засыхают все время. А тут собака. Живое существо, между прочим. Ее кормить надо каждый день.

– А вот собаки, кстати, очень хорошо дисциплинируют, – подала голос до этого молчавшая Светлана. – Совершенно безалаберные люди иногда меняются в лучшую сторону.

– Вот именно, что иногда. А если в нашем случае этого не произойдет? Не жалко собаку?

– Ну, собака так просто не сдастся, – засмеялась Света. – Это вам не тамагочи. Она хозяйке расслабляться не даст. Будет наша Лариса и кормить, и гулять как миленькая. Еще и на дрессировку пойдет. Без дрессировки приличной собаке никак нельзя.

Лариска, кажется, слегка испугалась предстоящих хлопот, и Светлана поспешила ее успокоить.

– Нет, можно, конечно и без особой дрессировки обой-

тись. Так, по мелочи, курс послушания пройти и все. Если собаку завести не крупную. Сейчас очень много пород есть.

– Я не хочу некрупную, – заупрямилась вдруг Ларка. – Я овчарку хочу.

Очень она в этот момент была похожа на моего сынулю. Со своей дурацкой решимостью и желанием настоять на своем во что бы то ни стало. Но тот хоть ребенок еще. Там я могу сказать свое веское родительское слово. А вот Ларке не запретишь – она сама уже взрослая и самостоятельная. Чего доброго, и правда собаку заведет.

Светлана тем временем продолжала красочно расписывать все преимущества жизни с собакой. Начиная от всем известного «ты домой приходишь – оно тебе радуется» и заканчивая исключительной пользой для здоровья ежедневных прогулок на свежем воздухе.

– Вы только представьте, – говорила она с жаром, – нельзя передумать или не захотеть. В любую погоду, при любом самочувствии, утром и вечером. А еще лучше три раза в день. Берешь себя в охапку и выгоняешь на улицу. На часик-полтора. Потому что нельзя иначе. В дождь и в мороз, в выходные и в праздники – каждый день утром и вечером.

Мне не по себе стало от таких перспектив. А Ларка ничего – со всем заранее согласна. И кормить, и гулять, и тащиться в дождь на улицу даже в выходные. И на дрессировку готова ходить. Света ей уже и телефон инструктора диктует.

– Лара, опомнись! – взвыла я. – Не сходи с ума! Какая

тебе собака? Ты не справишься.

– А давай вместе заведем. Овчарок. Будем на занятия ходить. И гулять вместе будет веселее. Правда, Свет?

– Правда. Щенкам полезно вдвоем гулять. Они играть смогут и нормально развиваться физически. Кстати, скоро неплохой помет ожидается. Родители очень достойные. Если хотите, могу поговорить с хозяевами. Можно и в рассрочку купить, если сразу всей суммы нет...

Сумасшедший дом на прогулке! Они обе меня как будто не слышат. Уже предстоящие расходы обсуждают.

– Мне прямо не терпится щеночка домой принести, – мечтательно сказала Ларка. – Будет у меня свой маленький Гектор. А потом вырастет, поумнеет...

– Тебе, кстати, лучше суку заводить, – охладила ее пыл Света.

– Почему? Я не хочу суку. Я хочу, чтобы он меня защищал, вот как Гектор твой.

– Защитить тебя и сука сможет, мало не покажется. Ты вот не обратила внимание на соревнованиях, как Гюрза работала. Вот уж точно, имя определяет характер. Получше многих кобелей. А умница какая! Да если на то пошло, я своего Гектора взяла из-за матери. Специально ждала, пока Дана щениться будет, заранее записывалась. Такая мамашка у нас героическая, что ты! Она за хозяина на нож ходила. Сейчас уже старая совсем, болеет... Так что, зря ты так скептически к сукам относишься.

– Да я не скептически... просто, хотелось такого как Гектор.

– Кобеля неопытному владельцу лучше не заводить. Тем более, порода серьезная. Начинающему собачнику сука – в самый раз. Они дрессируются легче, и не агрессивные, и ужиться с ними проще – не придется выяснять, кто из вас двоих главный. С кобелем у тебя могут проблемы возникнуть. Ты человек мягкий, неопытный – он тебе на голову сядет.

Я уж было обрадовалась, что Лариска, напуганная возможным усаживанием любимца на голову, откажется от своей безумной затеи. Но она неожиданно легко согласилась на суку.

А Света продолжала, как птица Сирин, петь о счастье и радости, которые обязательно достигнут того, кто решится завести собаку.

– Девочки, а как они нас любят! Вот нигде такой искренней любви не найдете. Для собаки хозяин – это все, вся ее собачья жизнь. Им не важно, какой он человек. Главное, что он есть. И в нем весь смысл существования.

Света вдруг задумалась, глядя сквозь редеющие кроны невысоких липок, и сказала совсем по-другому, задумчиво, словно сама не до конца верила:

– Вот странно, собаки любят даже тех, кого любить совсем не за что. Взять хоть Юрку, царство ему небесное, обормоту. Ведь дерьмовый человек был. А собаки его любили. За что

– непонятно.

– Ты же сама говоришь, что собака хозяина любит ни за что, а потому, что в нем смысл собачьей жизни. Чему же ты удивляешься?

– Так в том-то и дело, что Юрку не только его собаки любили! – Света оживилась, и мне вдруг подумалось, что не просто так она вывела разговор на убитого Юру. – Его и чужие собаки признавали. Он же индивидуальной дрессировкой занимался. Брался за совсем уж безнадежных – и агрессивных, и совсем трусливых. Любого лентяя мог растормошить.

Света рассказывала о Юриных способностях взмахом, как будто не она совсем недавно говорила, что человек он был так себе. Даже дерьмовым называла. А теперь выходило, что погибший был дрессировщиком от бога, внимательным, терпеливым. Просто чудеса творил. И хозяева к нему чуть ли не в очередь становились, чтобы хоть несколько занятий провел с проблемными питомцами.

– Ну да, – согласилась Света, – человек он был неприятный. А вот кинолог – талантливый. Это и обидно, что такие способности достались такому балбесу. Он собак чувствовал как-то. Щенков когда выбирал, так даже обнюхивал их, представляете. Ему все эти тесты дурацкие с ключами не нужны были. Он в глаза щеникам смотрел и понимал, что из кого вырастет.

– Что за тесты с ключами? – оживилась Ларка.

– Да есть такой знаменитый тест. Якобы, когда щенка выбираешь, надо бросить перед ним на пол связку ключей и посмотреть на реакцию. Вроде сразу будет понятно, кто трусливый, кто любознательный, а кто агрессивный. На самом деле фигня это все. Ничего там нельзя понять с одного раза. Чтобы определить, кто есть кто, за щенками наблюдать надо долго. Как едят, как играют. А ключами этими только напугать можно собачьих детей. Про этот способ во всех книжках про собак написано. Их же сейчас все пишут, кому не лень. Вот народ и кидается ключами, специалистов из себя корчат. А надо просто наблюдать. Или вот, как Юрка, в глаза смотреть. Он никогда не ошибался. Его часто просили помочь щенка выбрать... Неплохие деньги Юрик на этом делал.

– Так он что, за деньги помогал?

– А он вообще бесплатно ничего не делал. Он только с собаками хорошим был. А с людьми не церемонился. Если где можно было заработать, никогда мимо не пройдет. Поговаривали, что со щенками этими мог и два раза денежку взять – и с хозяина, и с заводчика.

– С кого?

– Ну, с хозяина суки. Заводчику щенков надо продать, вот он Юрику денежку и платит, чтобы тот покупателя к нему вел. А Юрик и с него возьмет, и с покупателя за экспертные советы. Ничего не стеснялся. Иногда откровенно плохих собак впаривали новичкам. Люди ему доверятся, возьмут щенка, на которого он покажет. А потом на первой же выставке

такое описание получают, что хоть плачь.

– А потом? Что они потом делают, когда понимают, что их обманули?

– Да многие и не понимают, что их обманули. Юрик же только неопытных собачников так разводил. Опять же, всегда можно списать плохую кондицию собачкину на то, что владелец ее неправильно выращивал. А начинающего собачника в этом убедить проще всего. И тут уже зависит от того, что за человека Юрик с заводчиком облапошили. Чаще всего, успевают к собаке привязаться, полюбить. Тогда просто забывают о выставочной карьере и держат собаку для души. Как у нас говорят, «на диван». Ну, а если владелец слишком амбициозный, то может и усыпить не оправдавшую надежды псину. Или на улицу выбросить. Знала я и таких.

Я взглянула на Ларку и чуть не ахнула. Таких суровых фактов из жизни собаководовладельцев она явно не ожидала. Мне даже показалось, что она вот-вот заплачет.

– Лар, ты чего? – осторожно позвала я.

– Я своего никогда не выброшу, – шепотом сказала она. – И не усыплю. Не нужны нам эти выставки. Без них обойдемся. Я своего любить буду просто так.

Утешили, как смогли, Ларку. Света заверила ее, что большинство собачников как раз такие, как она – любят своих питомцев любыми. А брошенных собак обычно пристраивают в добрые руки. И вообще, не надо думать о плохом.

– А дрессировщиком Юрка был классным, – вернулась

Света к прерванному разговору. – Чему хочешь мог научить. Даже собак-телохранителей готовил. Его отговаривали многие, а он не слушал никого. Говорю же, для Юрика деньги все затмевали. Какие там уговоры? Какой здравый смысл? Главное – денег побольше заработать. Ну, и себя показать, какой он классный кинолог.

– А почему отговаривали?

– Да не дело это – телохранителей готовить всем желающим. Это, девочки, страшно. И опасно. По-настоящему опасно.

– Да что страшного в том, что собака защищает хозяина? – не поняла Лариска. – Гектор твой разве нее телохранитель для тебя?

– Упаси бог! – Замахала руками Света. – Гектор мой просто хорошо обученная собака. Плюс «Русский ринг». Он людей как потенциальную опасность не воспринимает. Вон смотри, с Наташкиным пацаном носится, чуть ли не верхом на себе разрешает кататься. С ним по улице ходить не опасно.

– А как же тот мужик? – напомнила Лариска. – Ему-то было очень даже опасно.

– Вот тут-то и главное отличие! Обученная собака нападет только по команде. Хозяин решает, нужно это или нет. Это я тогда его пустила на задержание. Я решила, что мужик опасен. А Гектор просто выполнял команды. По команде схватил, по команде отпустил. А собаки-телохранители решают

сами, на кого нападать. Они не ждут команды. Устраняют любую угрозу для хозяина. Подошел человек слишком близко – опасность. Поднял рядом с хозяином руку – опасность. Для этого щенков отбирают с определенными качествами, доминантных, тех, кто готов самостоятельно все решать. И делают из них автоматы для убийства. В городе такую собаку держать нельзя. В девяностых это модно было, время такое. Юрка тогда как раз начинал. Потом мода прошла, но желающие все равно были. Кинологи в основном отказываются за такую работу браться. А Юрка соглашался... Я когда вижу по телевизору сюжет о том, как собака ребенка покусала ни с того ни с сего, или на прохожего набросилась без причины, всегда боюсь, что это кто-то из Юркиных воспитанников. Слушайте, а может, его и убили из-за этого? Может, отомстил кто?

Глава 3

К Димычу я шла не с пустыми руками. Давно ведь известно, что добиться расположения у мужчины можно только предварительно подкормив. Вот и тащила я с собой банку кофе, пачку сахара и еще по мелочи – пару пакетов с печеньем.

В кабинете Димыч был один. Сидел за компьютером и вдумчиво смотрел в монитор. Чтобы проверить догадку, я подошла к столу и заглянула в монитор сбоку. Так и есть! Сосредоточенный опер резался в «Сапера». При этом хмурился и закусывал нижнюю губу. Неподготовленный человек запросто мог решить, что присутствует при раскрытии преступления века.

– Кофе будешь? – спросил Димыч вместо приветствия. – Мне тоже налей.

Я протиснулась к нему за спину и начала выкладывать на подоконник принесенные гостинцы. Заглянула в стоящий здесь же, на подоконнике, чайник. Воды, конечно, не было.

Когда я вернулась с полным чайником, Димыч все так же пялился в монитор и шепотом матерился. Кого он тут стесняется в пустом кабинете?

Отвлекся он только, когда я поставила перед ним кружку с кофе и пакет с печеньем.

– Откуда печенье? Ты принесла, что ли? Это хорошо, а то

мы утром искали, с чем бы чаю попить, и ни у кого ничего нет, представь. Или зажали просто, с них станется.

– А где все? – спросила я, обводя взглядом пустые рабочие места.

Из-за этих рабочих мест – столов и стульев – числом четыре, да из-за здорового сейфа в углу, места для свободного перемещения в кабинете не оставалось. Я всегда поражалась, как Димыч ходит по кабинету и не натывается на столы. При его-то внушительных габаритах.

– Работают, – ответил Захаров, запуская лапу в пакет с печеньем. – Чего просто так на месте сидеть? Тем более, никто же не знал, что появится добрая девушка Наталья с бочкой варенья и корзиной печенья. Ты чего пришла, кстати? Просто так или по делу?

Я открыла было рот, но Димыч сказал вдруг с нажимом:

– Лучше бы просто так. Дел мне и без тебя хватает. Не знаю, за какое первым хвататься.

– Решил сначала с «Сапером» разобраться? Это тоже дело? Все остальные такие же?

– «Сапер» – это для разрядки. Мозг тоже отдыхать должен. Так чего пришла?

Я вдохнула поглубже и начала, придвигая поближе к Димычу печенье:

– Ты слышал что-нибудь про убийства фигуранта на соревнованиях по «Русскому рингу»? В прошлое воскресенье. Его убили у всех на глазах, можно сказать.

– Допустим, слышал. И что?

– А можешь отвести меня к тому, кто этим делом занимается?

– Зачем? Ты к этому делу каким боком?

Я попыталась принять беспечный вид и поболтала почти остывший кофе ложкой.

– Никаким. Просто я знаю двух свидетелей, которые оттуда ушли. А теперь хотят дать показания.

– А что, есть что показывать? – Димыч совсем не проявлял заинтересованности в этом деле. Его больше печенье интересовало, судя по всему. – И почему сразу ушли? Чего боялись?

– Да ничего не боялись. Просто подумали, что все равно ничего не видели, вот и ушли.

– А сейчас, значит, совесть гражданская замучила? Или вспомнили что-то?

– Да не то, чтобы вспомнили... просто... они же там были... надо же рассказать...

Я мямлила, а Димыч смотрел на меня в упор и меланхолично, как корова, жевал печенье. Нет, не корова. Как буйвол. Или высокогорный як. Но это дела не меняет – он вдумчиво жевал и смотрел на меня, не отрываясь. И под этим его взглядом я совсем забыла, что собиралась сказать, когда сюда шла. Была же у меня какая-то довольно приличная версия событий. Как-то я объясняла мысленно свой интерес к этому делу. А сейчас вылетело все из головы.

Отчаявшись выдать из себя сколько-нибудь правдоподобное объяснение, я вздохнула и преданно уставилась на Димыча.

Он невозмутимо отхлебнул из кружки и поинтересовался:

– Чего это мы пьем? Вкус непривычный.

– Это кофе. Растворимый.

– Ты принесла, что ли? А чего он так от нашего отличается? У нас, вроде, тоже кофе...

– Этот хороший, – вздохнула я, не ожидая ничего хорошего.

Если Димыч предпочитает на отвлеченные темы беседовать, значит, плохи мои дела. Не расскажет он мне ничего, это уже не раз проверено.

Димыч забросил в себя еще одно печенье, отхлебнул из кружки и поинтересовался как бы между прочим:

– А вот это все – кофе, печенье – это не взятка, случайно? Может, твои знакомые тебя подослали, чтобы узнать, как расследование продвигается? И никакой гражданской совестью тут не пахнет, одно сплошное любопытство.

Ответа ему не требовалось. Сам обо всем догадался. Я потерзала немного на неудобном стуле и снова преданно уставилась на капитана Захарова. А что мне оставалось делать?

Димыч вытер руки носовым платком, потянулся с хрустом и велел, устраиваясь поудобнее:

– Давай, рассказывай.

Пришлось рассказывать. И про Ларку, и про соревнова-

ния, и про наше позорное бегство с места преступления. И про настойчивые просьбы узнать, как продвигаются поиски убийцы.

Димыч мрачнел просто на глазах.

– Чего тебя понесло туда? Ты как будто чувствуешь, где назревает что-нибудь... непонятное. И специально туда лезешь. С каких это пор тебя собаки кусачие заинтересовали?

Я помалкивала. Сейчас он поворчит немного, попричитает, а потом успокоится. Это тоже проверено не раз. С Димычем главное – сразу в полемику не вступать и не торопиться оправдываться. Пусть пар выпустит, потом можно и поговорить.

– Ладно, черт с тобой! – Димыч устало махнул на меня рукой и снова полез в компьютер. Видно, судьба у меня такая. Паспорт с собой?

– Зачем?

– Показания с тебя снимать буду. Ты же теперь свидетель у нас... На мою голову. И Лариске своей скажи, чтобы пришла.

Как и следовало ожидать, показания мои Димычу совсем не понравились. Он заявил, что таких свидетелей, которые ничего толком не видели, у него полно и без нас. Велел вспоминать подробно. Подробно я ничего вспомнить не могла, и вместо этого рассказала о предположениях Светы насчет мести кого-то, пострадавшего от воспитанных Юрой собак-убийц.

Димыч хмыкнул и велел нам со Светой поменьше фанта-

зировать не по делу.

– Какая там месть? Обычное дерзкое и хладнокровное убийство. Хотя... Надо поднять сводки, не было ли недавно случаев покусов. Может, правда, у этого типа собака ребенка порвала, и он на дрессировщика вышел.

Я воспряла духом и стала пересказывать все, что узнала вчера от Светы. И вдруг спохватилась:

– Дим, а почему ты-то меня спрашиваешь? Ты, что ли, этим делом занимаешься?

– Молодец! Догадалась! – похвалил меня Захаров, лицом, впрочем, особой радости не выражая. – А я как чувствовал с утра, что какая-то ерунда должна случиться. Уже думал, еще один глухарь нарисуетя. А это ты. Замученная гражданской сознательностью и любопытством. Еще неизвестно, что хуже.

И это вместо того, чтобы спасибо сказать. Если бы не я, ему бы никогда в голову не пришло, что Юру могли убить из-за того, что он когда-то из собаки телохранителя сделал. Интересно, почему та же Света в милиции этого не рассказала?

– А ведь мне никто не рассказывал про собак-телохранителей, – словно услышав мои мысли, сказал Димыч. – Ни словом никто не обмолвился, заразы.

– А что рассказывали?

– Да ничего толком. Они вообще странные ребята, эти спортсмены-собачники. Себе на уме. Про собак своих могут говорить, сколько хочешь. Только уши развесь. А как до де-

ла – так никто убитого толком не знал, ни о чем постороннем с ним не говорил, водки вместе не пил. Только собаками его травили, а что за человек был – никто не знал. А теперь выходит, что знали, да только говорить не торопятся. Вот не люблю я дела иметь с такими вот закрытыми группами.

– Что значит «закрытые»?

– Ну вот эти вот, увлеченные чем-то. Не как все. У них там свои правила и законы. Между собой грызутся, но сор из избы не выносят. И своих покрывают до последнего. Я как-то с филателистами работал. Замочили одного, а он марки собирал уже лет двадцать. Начали мы копать в этом их марочном болоте. Елки-палки! Я думал филателисты эти – тихие люди, даже убогие. Сидят себе, марочки пинцетом туда-сюда перекаладывают. А там такие интриги, такие страсти кипят! Я удивляюсь, как они все друг друга не поубивали. Тоже никто ничего не рассказывал, все делали вид, что изо всех сил скорбят.

– Так его что, свои же убили? Из-за марки какой-нибудь?

– Да нет. Его племянник родной замочил. Надеялся квартиру получить.

– Ну и при чем тут тогда марки? – Мне стало обидно за всех увлеченных людей. И филателистов, и собачников.

Димыч пожал плечами. Он заранее был настроен против всех людей с интересами и менять точку зрения не собирался.

Он потер с силой затылок и, решившись, предложил:

– Ладно, все равно ведь не отстанешь. Давай договоримся. Ты мне помогаешь узнать кое-что у этих твоих собачников, а я, так уж и быть, буду тебе рассказывать, как продвигается расследование. Только без особых подробностей. В общих чертах.

– А про «кое-что» можно подробнее? Что тебе про них интересно?

– Да не знаю еще. Но со мной они откровенно говорить не станут. А тебе, может, и расскажут чего. Вот Светлана эта, например. Или еще кто. – Димыч посмотрел на мою недовольную физиономию и добавил: – Ты не думай, я тебе тоже расскажу что-нибудь. Прямо сейчас могу. Там, правда, рассказывать пока нечего.

* * *

Убитый неделю назад Юрик – Кузнецов Юрий Борисович, тридцати восьми лет от роду – был, на первый взгляд, вполне обычным человеком. Ничего особенного: ни криминального прошлого, ни сомнительных знакомств, ни даже неоплаченных штрафов.

Школа, физкультурный техникум, армия, работа. Пожилые родители, бывшая жена, шестилетняя дочка, которую видел от силы раз в год. Все как у людей, все как обычно...

Необычным было только увлечение Юрия Кузнецова. Вернее, даже не увлечение, а страсть, которой он поддался в

детстве, и которую пронес через всю жизнь. Собаки.

Не просто собаки – овчарки. Казалось бы, что в этом особенного? Многие люди любят собак. Многие не представляют себе жизни без собаки в доме. Многие остаются на долгие годы поклонниками одной породы. Но такая одержимость, которую все без исключения опрошенные свидетели замечали в убитом, встречается не часто.

Первая овчарка появилась у Юры в пятом классе. Кто-то из знакомых отца принес «засидевшегося» щенка. Покупателя на него никак не находилось, щенок из забавного колобка превратился в голенастого нескладного подростка, требовал внимания и своей, растущей с каждым днем, порции каши. Родители посмотрели на прижавшихся друг к другу сына и собачьего подкидыша, вздохнули и согласились.

Отцовский знакомый забрал символический рубль, а в качестве приданого оставил щенячий мягкий ошейник, поводок и книжку «Дрессировка служебных собак» шестьдесят седьмого года издания в потрепанной обложке.

По этой-то книжке Юрик и начал дрессировать своего Рекса. Сам, без инструкторов и дрессировочных площадок. К трем годам Рекс был известен всему району. На удивительную собаку, которой можно было командовать буквально движением одного пальца, приходили посмотреть даже те, кто к собакам относился с неприязнью и ни в какой их особый ум не верил.

Рекс носил сумки из магазина, приносил из почтового

ящика газеты, играл в футбол. Даже телефонную трубку снимал, вот только ответить не мог...

Потом у Юрия Кузнецова было еще великое множество собак, и своих, и чужих. Но такого, как Рекс, не было больше никогда. Это сам Юрий так говорил в минуты откровенности.

И книжку потрепанную шестьдесят седьмого года выпуска не выбрасывал. Хотя, знал ее уже наизусть, да и много других полезных книжек прочитал, повзрослев.

После армии устроился он поначалу тренером в секцию рукопашного боя. Как-никак диплом об окончании техникума физической культуры и спорта у него имелся.

Собаки на тот момент у него не было, и он подумывал завести щенка. А пока бродил в местах выгула, перезнакомился с руководителями породы во всех городских клубах – присматривал родителей своего будущего пса. Знакомился с владельцами, возился с собаками. Однажды забрел на дрессировочную площадку одного из центров дрессировки.

Овчарок было много. Правильнее было сказать, почти все собаки, оказавшиеся в тот момент на площадке, были овчарками. Сидели, лежали, привязанные к деревьям и столбикам. В дальнем углу перед привязанной собакой егозил пожилой лысый мужик в дрессировочном рукаве. То наступал на беснующуюся овчарку, выставив вперед защищенную правую руку, то, сгорбившись, отбегал на пару шагов. В конце концов позволил псу ухватить рукав и, выскользнув из

него, оставил на растерзание. Овчарка, крутя головой и рыча, трепала рукав пару минут, потом была уведена и привязана подальше. На ее место привели следующую.

Юра подошел поближе, на ходу потрепав по голове пару чужих собак. Никогда раньше не приходилось ему видеть живую дрессировку по защитной службе. То, что это именно она, парень не сомневался. Книжка шестьдесят седьмого года выпуска была все же с иллюстрациями, хоть и очень схематичными. Да и теория специального курса дрессировка там была прописана на совесть.

Лысый глянул мельком на подошедшего Юру, но ничего не сказал. Продолжал работать. Рубаха на спине у него взмокла, как у пахаря. Когда и эта собака начала радостно трепать отданный рукав, он объявил перерыв и направился к стоящему под деревом Юре.

– Спортсмен? – определил он с ходу. – Собак, я гляжу, не боишься?

Юра дважды кивнул утвердительно. Лысый вытер пот со лба и сказал совсем неожиданное:

– Фигурантом не хочешь попробовать? А то у меня парнишка сегодня не вышел, а я староват уже в одно лицо работать. Иногда отдых нужен. Ты ведь с собаками дело имел, правильно?

Юра потом несколько раз спрашивал Сергеича – так все звали лысого инструктора, известного на весь город, не Иван Сергеевич, а просто по отчеству – как тот понял и что

спортсмен, и что с собаками дело имел, и что очень хотел попробовать быть фигурантом? Ведь хотел он этого больше всего, пока наблюдал, стоя под деревом, за работой Сергеича. «Чего там понимать? – усмехался тот. – У тебя на лице все написано. Собачника сразу видно».

Через пару месяцев Юра уволился из тренеров и стал заниматься тем, чем хотел всегда – дрессировкой. Сначала бегал в тяжеленном дрескостюме, понукаемый Сергеичем, потом и сам стал занятия проводить для новичков.

Сергеич его хвалил. Секретами делился. Про собак рассказывал часами, благо, нашел такого же увлеченного слушателя, как сам.

Через два года Сергеич умер в очереди в поликлинике. От сердца. Тогда, в начале девяностых, у многих сердце сдавало. Все его группы руководство передало Юре. Думали, временно, пока не найдут замену, а оказалось – навсегда.

Женился он поздно, уже после тридцати. Невеста была на десять лет моложе, к собакам относилась поначалу равнодушно, а после нескольких месяцев семейной жизни возненавидела. Развелись они, когда дочке было четыре месяца.

Последние шесть лет Юра жил один, с бывшей женой и дочкой почти не общался, к родителям заезжал не часто. С людьми сходился неохотно. Считался одним из лучших в городе дрессировщиков, на соревнованиях выступал и в качестве участника, и фигурантом.

Шестого октября во время очередных соревнований по

«Русскому рингу» был убит выстрелом в голову.

* * *

Я смотрела на Димыча с недоумением и обидой. Рассказал, называется. Добавил подробностей. Преступление, казавшееся дерзким и неординарным, в основном благодаря нестандартности занятий убитого, в Захаровском пересказе стало серым и скучным. Как отчет об основных экономических показателях. Мой начальник Валера, когда планерки проводит, и то поживей рассказывает. Я ждала каких-нибудь интересных фактов из жизни человека неизвестной мне профессии. Да что мне! Уверена, большинство простых людей ровным счетом ничего не знают про кинологов-дрессировщиков. Поэтому хочется думать, что все у этих героических людей не так, как у нас, простых смертных. По-другому как-то.

А Димыч пробубнил совершенно заурядную биографию. Такого и убивать не за что.

– Так за что его убили-то?

Димка развел руками и ухмыльнулся.

– Как только мы поймем, за что его убили, убийство можно считать раскрытым. Я тебе сто раз говорил, что главное – мотив. Ищи, кому выгодно.

– И кому выгодно убийство этого Юры?

Он опять развел руками. Потом посмотрел на мою уны-

лую физиономию и сжалился.

– Не переживай! Не бывает, чтобы убили просто так. Просто так только по пьянке друг дружке головы табуретками проламывают. А это, как ты понимаешь, совсем не наш случай. Значит, было, за что убить гражданина Кузнецова. Просто мы пока этой причины не видим. Пока все обычно, ничего особенного. Хотя нет, вру! Есть и в этом деле очень необычная подробность...

Димыч замолчал, наслаждаясь произведенным эффектом. Потом откинулся на стуле и торжественно произнес:

– Застрелили гражданина Кузнецова не как лоха какого-нибудь, не из банального «Макарова». Застрелили его из малокалиберного оружия. Калибр пять целых шесть десятых. А это что значит? Это значит, что был это либо редкий пистолет импортного производства, либо, учитывая высокую точность стрельбы, пистолет спортивный. Вот так! Налей мне еще кофе.

Глава 4

Заметка эта попалась мне на глаза сразу. Как будто кто-то специально подсовывал: «Вот же оно, вот! Читай, вспоминай, делай выводы!». Только вчера Светлана рассказала мне о подготовленных Юрой собаках-убийцах, сегодня утром Димыч задумчиво сказал, что надо бы посмотреть сводки происшествий за последние пару недель – и вот, пожалуйста! Первая же информация, на которую я наткнулась, открыв в интернете новостной портал, не оставляла никаких сомнений в том, что все предыдущие разговоры были неспроста.

«Собака-убийца загрызла старушку и ребенка» сообщали всем желающим добросовестные интернет-журналисты. Рядом для наглядности красовалась фотография окровавленной собачьей пасти.

Заранее ежась от страха, я щелкнула по ссылке.

Продолжаются нападения собак бойцовых пород на людей. На этот раз жертвами собаки-монстра стали четырехлетний мальчик и пожилая женщина. Бабушка с внуком гуляли в сквере Революции, когда на них напал огромный кобель бойцовой породы. Собака набросилась на ребенка и успела несколько раз укусить его за лицо и руки, пока за него не вступилась бабушка. Женщина закрывала ребенка своим телом, поэтому пострадала больше. В настоящее время

мя оба пострадавших находятся в больнице с многочисленными ранами. Очевидцы этой трагедии утверждают, что собака, на которой не было намордника, напала на людей совершенно без причины.

Я посмотрела на дату – новость появилась в сети первого октября. Значит, события, в ней описанные произошли в конце сентября. Примерно за неделю до убийства Юрия Кузнецова.

Димыч к телефону подошел не сразу. Сначала я долго слушала гудки. Даже подумала, что он забыл сотовый где-нибудь в кабинете, а сам уехал. Хотя, на него это совсем не похоже. Не успела я это подумать и начать беспокоиться, как длинные гудки в трубке сменились недовольным Захаровским баритоном:

– Ну чего тебе еще?

– Я нашла тебе убийцу, – начала я сразу с главного. – Пока, правда, только собаку-убийцу, но думаю, и человек-убийца там где-то недалеко. Потому что, мотив там есть. И как раз в конце сентября.

– Куда?! Другим боком заносите, – заорал вдруг Димыч. – Так не пройдет. Давай назад. Так что ты там говорила про человека-убийцу и мотив в конце сентября?

Я зачитала ему заметку. Пару раз он прерывал меня криками, обращенными к кому-то, кто заносил что-то там не тем боком. Потом обратил и на меня внимание.

– Ты бы поменьше новостей в интернете читала, вот что я

тебе скажу. Они тебе и про рыбу с человеческими ногами напишут, не поморщатся. Ладно, не сопи, проверю я по сводке эту твою загрызенную старушку. Когда, говоришь, это было?

Он позвонил часа через два.

– Ты сейчас на работе? Можешь выскочить на часок?

– Зачем?

– Дело есть. Давай, я тебя внизу жду.

Я неслась вниз, не дожидаясь лифта, на ходу попадая в рукава куртки. В кои-то веки у Димыча ко мне дело. Воображение рисовало картины одна другой привлекательней. И выслеживание преступников, и погони с перестрелками, и сидение в засаде. Нет, пожалуй, в засаде сидеть мне не нравится, от засады надо будет решительно отказаться.

Димыч топтался на крыльце нашего офисного центра и курил, задумчиво разглядывая припаркованную рядом машину.

– Ну, зачем звал? – я встала перед ним, как Сивка-Бурка, готовая ко всему.

– Да так, соскучился. Пошли кофе попьем где-нибудь.

– Дурак ты! – сказала я в сердцах. – Я думала, ты про загрызенную старушку что-то узнал, а ты...

– Какая ты кровожадная! – Димыч оторвался от чужой легковушки и начал внимательно разглядывать меня. – Ведь ты же женщина. Ты должна быть мягкой, пугливой, при виде крови в обморок падать. И интересоваться чем-то красивым. Мной, например. А ты собаками-убийцами интересуешься.

Он махнул рукой и поднял глаза к осеннему небу. Небо казалось совсем прозрачным и невесомым. А Димыч – грустным и во мне разочарованным. По опыту я знала, что эта клоунада не будет долгой, поэтому терпеливо ждала, переминаясь рядом.

– Ну ладно, раз тебе так хочется – про загрызенную старушку, пойдем прогуляемся немного. Тут недалеко. Я тебе по дороге все расскажу.

Я радостно ухватилась за подставленный Димкин локоть и мы пошли «тут недалеко».

Как и следовало ожидать, информация, выложенная в интернете, оказалась верной лишь отчасти. Действительно, были внук и бабушка. Правда, бабушка оказалась не ветхой старушкой, а вполне себе бодрой и энергичной шестидесятилетней женщиной. Судя по всему, решительной и хладнокровной. Потому что, когда появившийся неизвестно откуда пес действительно набросился на ее внука и, повалив на землю, начал трепать ребенка, схватив за капюшон курточки, бабушка не стала голосить и звать на помощь. Собаку она отогнала решительными пинками и потом еще какое-то время прикрывала собой перепуганного мальчишку, получив при этом множественные укусы рук и ног. Пса отогнали камнями и палками подоспевшие мужики, а потом и хозяйка нарисовалась, прицепила разъяренную псину на поводок и утащила в подъезд, даже не поинтересовавшись состоянием потерпевших.

Вот к этой-то хозяйке мы сейчас и шли. Аккуратненько расспросить о подробностях происшествия. И узнать заодно, не работал ли в свое время с собакой покойный Юра Кузнецов.

– Только давай так: говорить буду я, а ты помалкивай, в крайнем случае, сочувственно улыбайся.

– Чему там сочувствовать? – не поняла я. – Это же не хозяйку собака покусала, а бабушку с внуком. Как они, кстати?

– Мальчишка нормально, только испугался очень. А у бабушки раны серьезные, да еще и сердце прихватило потом. Она в больнице сейчас.

Мы зашли в подъезд обычной блочной пятиэтажки. Домфон на двери был сломан, так что в нужную квартиру мы позвонили без предупреждения.

Я ожидала услышать из-за двери неистовый собачий лай и на всякий случай спряталась за широкую Захаровскую спину. Вспомнилось вдруг, что идем мы в гости к хозяйке собаки, запросто покусавшей двух человек. Как-то не по себе стало от этой мысли. И активно участвовать в расследовании что-то расхотелось. Но было уже поздно – за дверью слышались шаги и женский голос спросил: «Кто там?». Видно, дверному глазку хозяйка не доверяла.

– Милиция, – успокоил Димыч, тыча в глазок развернутым удостоверением.

Мне предъявить было нечего, поэтому я, вспомнив Димкин совет, постаралась сочувственно улыбнуться. Не знаю,

получилось ли у меня изобразить сочувствие, или красные корочки успокоили хозяйку квартиры, но дверь она нам открыла.

Хозяйка, невысокая худая женщина, куталась в теплый халат и смотрела на нас настороженно. Время от времени она шмыгала носом, отчего кончик его смешно приподнимался. Этим своим подвижным носом и юркими глазками хозяйка квартиры здорово напоминала мышку-норушку. Только умиляться, глядя на нее, совсем не хотелось.

– Елена Петровна? – уточнил Димыч и, дождавшись, утвердительно кивка, продолжил. – Мы из милиции. По поводу вашей собаки.

Мышка-норушка вдруг воспряла духом, даже как будто выше ростом стала. Радостно засуетилась, приглашая нас проходить. Тапочки предложила. Правда, ни мне, ни Димычу не подошли те микроскопические шлепанцы, что выложила перед нами враз преобразившаяся хозяйка. Прошли так, без тапочек.

Дождавшись, пока мы сядем рядком на диван, Елена Петровна юркнула в кресло напротив и затараторила, комкая в руке платочек:

– Вот спасибо, что пришли! А я всегда знала, что милиция наша в беде не оставит. А дочь мне: «Брось мама, бесполезно». А я верю, что законы наши граждан защищают от произвола. Это участковому нашему дела нет до наших печалей. А я ему сразу сказала, что дела этого так не оставлю,

и прокурору напишу, как он преступников покрывает.

Я посмотрела украдкой на Димыча. Тот сидел с невозмутимым видом, слушал тетку, кивал и помечал что-то в блокноте.

– А ведь он мне как родной, вот как ребенок прямо. Я ему: «Джоник, сыночек», он подойдет, положит мне голову на колени и смотрит так внимательно, как человек прямо.

Хозяйка вдруг всхлипнула и промокнула глаза платочком.

– Елена Петровна, а вы с каким дрессировщиком занимались?

– С каким таким дрессировщиком? – тетка убрала от лица платочек и посмотрела на Димыча с недоумением.

– Ну, Джоника вашего вы дрессировали? К кому на площадку водили? Фамилию не помните? Или хоть имя.

– Этого я не знаю. Мне ведь его дочка с зятем отдали, когда ему уже два года было. Они все время на работе, им некогда за Джоником ухаживать. А я на пенсии. Времени много, да и веселее мне с ним было. Так что, про дрессировщика ничего не скажу, не знаю. Может, и водили к кому, это надо у дочки спрашивать. А я не водила. Он и без всяких дрессировщиков все понимал, прямо как человек. Да и как бы я его дрессировала, я же женщина. А он здоровый такой. Как начнет тянуть, так, не поверите, прямо руки все выворачивал. А эти все говорят, мол, на поводке надо водить. Попробовали бы сами такого на поводке. Без рук останешься. Да и незачем – он же умный, он и так все понимал.

Тетка снова всхлипнула, словно спохватившись. Потом продиктовала Димычу адрес и телефон дочки. После этого опять вернулась к рассказу о том, каким умным – «прямо как человек» – всегда был Джоник.

– И не слушайте никого, не агрессивный он. Я сколько раз говорила, от собаки нельзя убегать. Конечно, он догонять бросался. Он же думал, с ним играют так. Я вот в книжке читала, что у них это инстинкт такой. А они орал да угрожали. Лучше бы детям своим наказали, что от собак нельзя бегать. Сами виноваты.

Елена Петровна всхлипывала, вытирала глаза и носик платочком, а сама смотрела поверх него на нас, проверяла реакцию. Я, совершенно ошарашенная, пыталась изо всех сил улыбаться как можно сочувственнее, а Димыч слушал очень внимательно. Вот что значит профессионал. Или ему на самом деле про Джоника слушать интересно?

Кстати, а что это Джоника нигде не видно?

– Елена Петровна, а где ваша собака? – воспользовалась я возникшей паузой.

Она посмотрела на меня почти с ужасом, будто с размаху на стену налетела.

– То есть, как это где? Вы же из милиции? По заявлению? Так что же вы спрашиваете?

В этот момент Димыч наступил мне на ногу, и я захлопнула рот. А хозяйка Джоника еще пуще залилась слезами.

– Нет больше мальчика моего! Нету! А какой умный был.

А ласковый какой. Подойдет, голову на колени положит и смотрит, смотрит. И как только рука поднялась, на такую чистую душу! Я говорила им, что он играть хочет. А эта дура старая давай ногами махать. Конечно, он разозлился. Любой бы разозлился, если пинают да орут. Сами виноваты, а пострадала невинная душа.

– Джоник? – осторожно уточнил Димыч.

Елена Петровна кивнула.

– А что с ним случилось?

– Как же? Вы же из милиции. Я же все в заявлении написала, – она перестала плакать и посмотрела на нас с подозрением. – Вы по какому вопросу, вообще?

– По этому, по этому, – успокоил Захаров. – Вы расскажите все подробно.

– А чего рассказывать? Я все в заявлении написала. Вышли мы, значит, из дома с Джоником, я его и с поводка еще отпустить не успела. Вот, кстати, отметьте у себя, что в этот момент собака на поводке была, никаких правил мы с ним не нарушали, врет все участковый наш. Идем, никого не трогаем. И тут мордатый этот, из двенадцатой квартиры. И с ним Лешка, алкаш местный, все время во дворе ошивается, больше всех ему надо. И Лешка этот мордатоному на нас показывает: «Вот, мол, они». Мордатый к нам. Подошел молча, ни слова не сказал. Достает пистолет. Я как увидела, у меня все прямо затряслось внутри. Стою, вдохнуть не могу, ноги отнялись. А он подошел совсем вплотную и в Джоника вы-

стрелил. Да не один раз, много. Я кричу: «Что же ты, бандит, делаешь?». А он мне: «Скажи спасибо, что патроны у меня кончились!». И матом на меня. Я за рукав его схватила, давай милицию кричать, только их ведь нет никогда, если нужны. Вот и участковый наш такой же. А мордатый, он здоровый такой, почти как вы, только пониже, меня оттолкнул и пошел себе в подъезд. Я к Джонику, а он уж и не дышит. И в крови весь. Я в милицию – это же убийство среди бела дня. Да и денег собака стоит немаленьких, порча имущества, как-никак. А в милиции наш участковый. И знаете, что заявил? Что давно пора было Джоника моего пристрелить, да у него руки все не доходили.

Тетка сделала паузу, чтобы высморкаться и перевести дыхание. Мы с Димычем переглянулись уже в открытую.

– А что за мордатый-то? Вы его знаете?

– Да из двенадцатой квартиры же! Кравчук этот. Месяца два всего как заехали, а уже порядки свои наводит, стреляет среди бела дня. Погодите, он еще их всех перестреляет, если не посадят. Попомнят потом мои слова, да поздно будет.

– А за что он Джоника застрелил? – Я отодвинула ногу подальше от Димыча, так, на всякий случай.

– Ну как же! Бабка-то эта, что пиналась – она же этому Кравчуку мать. А пацан – сынок его. Да только не слушайте вы никого, Джоник не кусал его совсем, он поиграть хотел. А бабка налетела, давай ногами махать. Каратистка чертова! Да она сама Джонику руки в пасть совала, если хотите

знать. А сынок ее бешеный на следующий день Джоника и застрелил. А он у нас, между прочим, породистый, больших денег стоит. А участковый у нас коррумпированный, убийц покрывает. Вы разберитесь с ними.

Димыч вылетел из подъезда и направился куда-то вглубь микрорайона.

– Ты куда?

– Пошли, к участковому зайдём. У них тут опорный пункт во дворе, я знаю. Пообщаемся с коррумпированным милиционером, покрывающим убийцу-Кравчука.

Опорный пункт оказался в соседнем дворе, на первом этаже жилого дома. В небольшой комнатке с надписью на двери «Участковый» пахло застарелым табачным дымом и почему-то ливерной колбасой. Отъявленный коррупционер оказался парнем лет двадцати пяти, светловолосым и круглолицым. Такой Иванушка-дурачок из сказки, еще до того, как он обвел всех вокруг пальца и отхватил себе в жены царевну. Ничем не примечательный такой Иванушка.

Поговорить, правда, сразу согласился. Предложил только выйти во двор, покурить на воздухе.

Так и разговаривали – они с Димычем курили, а я, бросившая это дело три года назад, слонялась вокруг, наострив уши.

Участковый рассказал то же самое, что и хозяйка Джоника, с той лишь разницей, что совсем не считал пса невинно

пострадавшим. Наоборот, по его словам выходило, что собака была совершенно неуправляемой, держала в страхе всю округу, а хозяйка, души в нем не чаявшая, ни на какие замечания, уговоры и даже законные требования не реагировала.

– Да эта зверюга всех здесь достала, – горячился участковый. – Детей страшно было на улицу выпустить. У меня знаешь сколько жалоб на эту тетку с ее псом лежит! Одного покусал, другому одежду порвал. На ребяташек нападал сколько раз. Пекинеса разорвал на глазах у хозяйки. А другая свою шавку на руки подхватила, так Джоник этот ей все руки погрыз и пальто порвал. У меня самого сколько раз руки чесались его пристрелить. Да тетка там сильно склочная, чуть что – жалобы пишет.

– Да, с крупной собакой проблем хватает.

– Да при чем тут размер? – не понял участковый. – Вон в том подъезде, видишь, «кавказец» живет. Уж куда крупнее. А ни одной жалобы на него. Водят на поводке, команды он знает, в песочницу не гадит. И никаких проблем. Хоть слона заводи, только другим не мешай. Тут хозяйка на всю голову ударенная. Джоник у нее умный, а все дураки. А тут Кравчук этот заселился. Он же офицер бывший, чуть ли не из горячих точек. Так-то тихий, ничего не скажу. А как зверюга этот пацана его и мамашу порвал, так он не стал жалобы мне писать. Пошел, да и пристрелил. И я тебе скажу, правильно сделал.

– Пистолет изъяли?

– Нет, – с вызовом ответил участковый. – Не изъяли. Он у него спортивный. Спортом мужик занимался, имеет право. Да у меня письмо коллективное в поддержку этого Кравчука. Пусть старая ведьма умоется.

Димыч посмотрел вдаль, затушил окурок и сказал вкрадчиво:

– Пистолет придется изъять. Временно. На экспертизу. Калибр там какой? Пять и шесть?

– Да, – парень был озадачен не на шутку. – А зачем тебе экспертиза.

– Проверить надо. Ты давай, поговори с этим Кравчуком остороженько, пусть сдаст добровольно.

Глава 5

Ларка сидела на полу и заливалась соловьем:

– Ты моя хорошая. Ты моя девочка маленькая. А что у нас здесь? Смотри, какая штука. Иди сюда, моя ласточка.

Я смотрела на подругу с ужасом. Вот оно, началось. Лариска совершенно потеряла голову, и не то что позволяет этой маленькой прохвостке сесть себе на шею, она ее сама подсаживает, чтобы удобнее было. Что же дальше будет? Когда «ласточка» вырастет.

Объект Ларкиного обожания тем временем придиричиво изучал меня. Сначала разглядывала издали, спрятавшись за углом шкафа – видно было только черный нос-пуговицу и правое ухо конвертиком. Это мне Ларка объяснила, что уши у ее «девочки» сейчас конвертиком. А потом будут домиком. И только потом, к полугоду, встанут окончательно, как положено по породе.

Лариска, как все увлекающиеся люди, отдалась новым ощущениям с головой. Ни о чем другом она говорить просто не могла, только о своей драгоценной Лизе.

– Ты зачем ее человеческим именем назвала? – поинтересовалась я на всякий случай.

– Ну надо же ее как-то называть. Не по паспорту же – там она Персона Грата Аманда Кристел.

– Назвала бы Аmandой.

– Нельзя. «Аманда Кристел» – это заводская приставка. Она у всех щенков одинаковая. А клички все на букву «П». Моя вот Персона Грата. Света сказала, что мало кто зовет собак по паспорту, все придумывают домашние клички, какие нравятся. Моя будет Лизой. Нам понравилось.

Сил возражать у меня уже не было. Что я, в самом деле, привязалась к Лариске с кличкой этой? Пусть зовет, как хочет, хоть горшком. Мне-то что? Я от этих ее собачьих дел демонстративно устранилась. И щенка выбирать с ней не ездила, и миски с игрушками не покупала. Знаю я эти дела – сначала просто сходим вместе в магазин, потолкаемся у прилавка, заваленного резиновыми мячиками и искусственными косточками. Потом будем придирчиво выбирать подстилку, как будто не собаку собираемся заводить, а принимать у себя наследного принца далекой страны с суровыми законами гостеприимства. Потом поедем «просто посмотреть» очередной помет. Выкатятся нам навстречу штук восемь пушистых колобков, возьму я одного в руки и не смогу отдать обратно. А эта провокаторша Лариска еще уговаривала ребенка с собой взять. Чтобы действовать наверняка. Ведь если из своих рук я щенка отдать смогу, то отказать родному сыну – никогда. Сидела бы я сейчас рядом с Ларкой на полу, сюсюкала, как ненормальная. Хорошо, что я с ней никуда не поехала.

А щенка, надо признать, Ларка купила забавного. Я и не думала, что овчарки в детстве такие симпатичные. Про-

сто игрушка плюшевая, только живая, с холодным шустрым носом. Она свыклась с моим присутствием в квартире, вышла из-за шкафа и даже разрешила себя погладить. Вид при этом у нее был снисходительный. Как будто смирилась собаченция со своей ролью и терпеливо переносила неизбежные приставания восторженных гостей.

– Ну посмотри, какая она хорошая!

Я согласилась, что вот эта самая Лиза, которая Аманда Кристел на букву «П» – лучшая собака из всех, встреченных мной в жизни. Пусть будет так. Тем более, щенок, набегавшись, заснул, устроившись на моем тапке. И во сне выглядел умильно, как все дети, хоть человеческие, хоть собачьи. Я осторожно вытащила из тапка ногу, и наполовину босая поплелась следом за Лариской на кухню пить чай.

Правда, разговоры все опять вертелись вокруг Лизы. Ни о чем другом Ларка просто не могла сейчас думать. Поэтому подробно рассказывала мне, что через неделю они пойдут вторую прививку ставить, а месяца через полтора уже гулять начнут. А потом и на дрессировочную площадку отправятся, она уже и с инструктором договорилась.

– Ой, так ведь через полтора месяца уже холодно будет, – Лариска споткнулась на полуслове. – Как же мы на дрессировку будем ходить по снегу? А если до весны отложить, не поздно будет? Как ты думаешь?

Отчаявшись получить от меня внятный ответ по «собачьему вопросу», она помчалась звонить Светлане. Вернулась

озадаченная еще больше.

– Представляешь, завтра повторные соревнования по «Русскому рингу». В прошлое воскресенье же все сорвалось. Вот, завтра опять будут.

Еще бы я не представляла! Димыч туда как раз собрался, чтобы посмотреть на месте, как все происходит. Воссоздать картину преступления в полном объеме. И меня с собой тащит. Как я не старалась отвертеться, он сказал, что компания моя ему просто необходима, а если надумаю отлынивать, ничего от него больше не узнаю.

Придется идти.

* * *

– Да сволочь он был, Юрик ваш, – Коротко стриженная женщина лет пятидесяти смотрела на нас с вызовом и возмущенно поджимала губы. И только руки часто-часто перебирали брезентовую петлю поводка, выдавая сильное волнение. – Сволочь и гадина. Он мне чуть собаку не угробил весной, а вы хотите, чтобы я про него что-то доброе сказала? Нечего мне про него говорить. Плевать, что покойник, и все такое.

Димыч терпеливо слушал, кивал и соглашался. А я смотрела по сторонам. Вряд ли эта свидетельница нам что-то новое скажет. И нервничает она не потому, что скрывает важные сведения, а потому, что выступает первой, если верить

номеру на рукаве.

Вообще, все опрошенные перед началом соревнований люди четко делились на две группы. Одни, как наша собеседница, считали Юрия Кузнецова негодяем и мерзавцем. Другие относились к нему равнодушно, близко знакомы не были, в неприятные ситуации из-за него не попадали. Некоторые вспоминали, что он любил собак.

– Да никого он не любил. И собак тоже. Он на них деньги делал. Вы того, кто про его любовь к собакам рассказывает, спросите, как долго они у него задерживались. Максимум год! Он брал щенка перспективного, подращивал. Попутно на всех выставках светился, где только можно. Иногда успевал даже юного чемпиона закрыть. А потом продавал подороже. Там же, на выставках, и находил покупателей. Подросший перспективный щенок совсем других денег стоит. Это не полуторамесячный кот в мешке, из которого неизвестно, что вырастет.

– Так ведь, чтобы щенок перспективным был, его выбрать надо правильно, – подала я голос. После Светиных прогулочных лекций я уже запросто могла о выборе щенка рассуждать.

– Ну да, – слегка споткнулась собеседница. – Уметь надо. Это он умел, тут ничего не скажешь. Собаки у него все были очень достойные. Он и выращивал их правильно, надо отдать ему должное. Да вы сами можете увидеть, сегодня два бывших Юркиных кобеля выступают. Ниже пятого места точно

не займут, вот увидите. Если бы хозяева их не ленились, так вообще чемпионами могли бы быть. Хотя, Райса сегодня нет, все, что угодно может получиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.